
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 371(470.5)(091)"1735/1750"

DOI: 10.25730/VSU.2070.22.019

Первые школы Полевского завода: словесная и арифметическая (1735–1750-е гг.)

А. М. Сафронова

доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0002-4692-3025. E-mail: alevtina.safronova@gmail.com

Аннотация. Проблема реконструкции организации и деятельности школ, открытых по инициативе В. Н. Татищева при казенных заводах Урала в 1730-е гг., период второго его руководства заводами Урала и Сибири, является актуальной, поскольку они стали крупнейшим видом начальных учебных заведений России с демократическим составом учащихся наряду с гарнизонными школами военного ведомства. Но мы до сих пор мало знаем о школах, действовавших при конкретных заводах. Цель исследования – раскрыть вклад школ Полевского завода в распространение грамотности среди детей заводских жителей и обучение их основам математики на основе выявления комплекса архивных документов о их деятельности, сравнительного и текстологического анализа ведомостей об успехах их учащихся, выяснения их количественного, возрастного, социального состава, особенностей формирования кадров учителей. В статье прослежено изменение политики уральских властей в отношении зачисления детей в школы: от обязательного приема всех детей заводских жителей с 1735 г., за исключением больных, благодаря чему детская грамотность стала беспрецедентно высокой, до приема с конца 1742 г. из-за недостатка штатных сумм, выделяемых на школы, лишь сирот и сыновей лиц, отставных от дел, с получением казенного жалования, а детей мастеровых – только по желанию родителей. Результаты исследования с приложением текста наиболее интересных документов предполагается передать для использования в музей города Полевского, публикации в сети Интернет и включения в состав монографии о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, Урал, горнозаводские школы, Полевской завод, учителя, учащиеся, распределение к делам.

Горнозаводские школы Урала первой половины XVIII в. явились одним из самых крупных видов учебных заведений России с демократическим составом учащихся, они внесли большой вклад в формирование края как главного металлургического центра страны, в развитие его культурно-образовательного ландшафта. Благодаря деятельности школ грамотность детей, проживавших в заводских поселениях, стала одной из самых высоких в Российской империи в 1730–1740-е гг. В этой статье на основе архивных документов, в основном впервые вводимых в научный оборот, мы попытаемся реконструировать историю школ, действовавших при Полевском заводе в первой половине XVIII в. Накопление знаний об отдельных учебных заведениях позволит выявить особенности в составе учителей, учащихся, выделить наиболее крупные учебные заведения, внесшие наибольший вклад в распространение грамотности и основ математики на Урале, наконец, более четко определить место горнозаводских школ среди других учебных заведений России первой половины XVIII в.

В литературе о школах Полевского завода имеются отрывочные сведения. Н. В. Нечаев отметил, что в Полевскую школу к преподаванию арифметики привлекались ученики Екатеринбургской школы с переменою помесечно [55, с. 92]. В. Н. Будрин привел данные о количестве учащихся в заводских школах за 1735–1742 гг., в т. ч. и Полевской, упомянул фамилии ее учителей – Ивана Лукина (без даты) и Федора Рахманинова (на деле – Розмахнина) [1, с. 59, 72–73].

Для раскрытия темы нами привлечены доношения в центр и указы В. Н. Татищева, документы Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов, Полевской завод-

ской конторы, доношения учителей и учащихся, ведомости об успехах учеников в науках, посылавшиеся уральскому начальству по третям года, прошения, справки и другие документы.

В. Н. Татищев был назначен главой казенных заводов Урала и Сибири в марте 1734 г., 8 октября он принял заводы из-под команды В. И. Геннина и уже в первом доношении в Кабинет министров 9 октября сообщил о своем решении открыть школы при всех казенных заводах Урала дополнительно к словесной и арифметической, действовавших с 1724–1725 гг. в Екатеринбурге [56]. Заводов, принадлежавших казне, насчитывалось уже 12, начинали строиться новые. Все последующие важнейшие решения Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов в отношении организации школ выносились при непосредственном участии В. Н. Татищева. Так, 21 октября 1734 г. было принято решение о проведении переписи «годных в научение детей разночинцовых, детей боярских, однодворцовых, церковничьих, подьяческих и мастерских при заводах и в слободах от шести лет и выше» [2].

4 января 1735 г. было предписано: «О школах послать на все заводы указ, чтоб немедленно потребные к тому покои выстроили и прежде хотя б словесному, взяв дьячков, или кто способен к научению явится, и собрав детей, читать и писать обучили, а затем арифметики и геометрии обучать определенным ныне шихтмейстерам или надзирателям работ», то есть арифметические школы должны были открываться по мере обучения детей грамоте. Решался вопрос и с обеспечением словесных школ учебными пособиями: «что к тому книг потребно, о том, собрав известия, велеть тамо или на Ирбитцкой ярмонке купить, а буде еще чего не достанет, то писать в Москву с нарошным, чтоб двести букварей купить, суды прислал» [34]. Таким образом, в первые же дни нового, 1735 года, начал претворяться в жизнь план В. Н. Татищева по организации школ при всех казенных заводах Урала, в которых в первую очередь должны были обучаться дети заводских жителей.

С весны 1735 г. открываются словесные школы при заводах Егояхинском (март), Лялинском и в городе Кунгуре (апрель), Уктусском (май), затем – при Алапаевском (июнь), Каменском и Пыскорском (август); в ноябре – при Сысертском, в декабре – при Полевском, позже – при Верх-Исетском (сентябрь 1736), Кушвинском (февраль 1739), Северском (июнь 1742) [58, с. 286–287].

Первый указ уральского начальства о строительстве школы и сборе детей для обучения пришел на Полевской завод 31 января 1735 г. Управитель завода Леонтий Бекетов ответил, что при заводе годных в школу до 50 человек, но азбук, часословов и псалтирей при заводе «не имеется и купить не у кого», и просил прислать по 50 экземпляров этих книг. Бекетов сообщал, что на место учителя претендует дьячок Гаврило Соколов, просит в год по 24 руб., кроме него имеется «ис присыльных» Григорей Бобошин, требует 16 руб. По мнению Бекетова, следует взять в учителя ссыльного. Но уральское начальство назначило учителем дьячка, о книгах сообщило: «отпустить... когда куплены будут» [19].

Через месяц, 8 февраля 1735 г., члены канцелярии во главе с Татищевым приняли решение о нормах выдачи казенного жалованья учащимся будущих школ: оно должно было назначаться всем, чьи отцы получали в год менее 25 руб., «иногородним», взятым в школы из других населенных пунктов, – и при более высоких окладах отцов, кроме детей попов и церковнослужителей, которых предписывалось полностью содержать отцам. В словесных школах жалованье составляло 3 руб. в год, в арифметических – 4 руб. Безусловно, возможность получения казенного жалованья делала обучение в школе привлекательным для низших слоев населения. В тот же день были определены и нормы жалованья будущих учителей. Отмечалось, «которые с воли... будут обучать, яко дьячки и к тому способные другие, оным без определенного жалованья свободного пропитания иметь будет не отчего, и ради того» предписывалось давать учителям чтения и пения в год по 18 руб., арифметике и письму – по 24 руб. [35].

Полевская заводская контора была первой, потребовавшей присылки учебных книг. Согласно справке, она первой и получила 50 букварей «з десятословием», 10 часословов, «букварь на 3 языках» в ходе первой рассылки книг по заводам, состоявшейся 24 ноября 1735 г. [21].

25 ноября на Полевской завод, как и на другие, пришел указ с предписанием: школьничков, которые склад познали и писать начали, детей управителей, надзирателей, подьячих и мастеров, «кои понадежные, а особливо иноземцов», прислать для обучения в немецкую и латинскую школу Екатеринбурга, «о протчих, сколько есть в обучении из написанных, и кто и зачем не обучаются, прислать немедленно списки» [23].

Новый управитель завода Михаил Кутузов 13 января 1736 г. ответил, что детей, «обученных словесному и письму не имеется, а имеются только в начинании азбук и букварей».

После прибытия книг они начали обучаться с 1 декабря 1735 г., учителем определен «дьячок Гаврило Попов сын Соколов, и оной дьячок и школьники требуют себе на пропитание жалование, а особливо те, у которых отцы имеются в дальних посылках, яко в Томск и в протчие места» [23]. То есть вопрос с материальным обеспечением учителя и учеников Полевской школы сразу решен не был.

К этому доношению прилагался список первых учащихся. Среди 53 детей числился сын штейгера (горного мастера, заведующего работой рудников), детей «мастеровых» – 21, «ученических» – 24; двое детей кузнецов, по одному – дети конюха, плотника, сторожа, попа и брат пономаря. Они представляли все возрастные группы от 6 лет до 15: шестилеток было 4, семилеток – 7, больше всех девятилетних – 13, взяли и «возрастных» – пять человек 14 лет и двух 15-летних, сына плотника и брата пономаря. Далее следовал список детей, не взятых к обучению, «за тем, что имеют разные болезни», вот их перечень: «киловат и языком недоволен», «глух и из ушей течет», «глух», «крив» (это были «мастерские» дети 12, 15, 12 и 10 лет); у «ученических» (12, 9 и 7 лет) отмечена глухота, «языком недоволен», «жительской сын» – «увечен и горбоват» [24].

Итак, восемь отвергнутых по болезни детей при 53, взятых в школу. Фактически начала проводиться в жизнь политика обязательного обучения грамоте всех детей заводских жителей, которую провозгласил В. Н. Татищев. Через полтора месяца 46 человек учили азбуку, семеро приступили к букварю. Обращает внимание отсутствие на Полевском заводе детей, ранее начинавших обучение грамоте на дому, что видно из первого списка учеников и отмечено в доношении в Екатеринбург: ни одного человека выслать в немецкую или латинскую школу с Полевского завода не смогли. Если бы не открытие школы, дети заводчан так и остались бы неграмотными.

Более подробно мы можем рассмотреть социальный состав учащихся на основе ведомости за 3/3 1736 г.: дети мастеров – горного (штейгера), угольного, доменного, плавильных (шмельцеров) – шесть человек, бергауров (рудоразведчиков) – четыре; рудоподносчиков, засыпщиков руды, плавильных и горных учеников, «церковничный сын» Павел Мазеин, показанный в первом списке как брат пономаря 15 лет, находился уже «в твержении письма»; сына попа уже, видимо, забрали в латинскую школу. В школе числилось 49 человек, один новенький, поступив в августе 1736 г., сын угольного мастера Поздеев, изучал уже часослов [27]. Примечательно, что в Полевской школе фактически не было детей духовенства и детей солдат в отличие, например, от Екатеринбургской, отсутствовали и разночинцы, которых очень много было в школе, открытой при Каменском заводе.

Дьячок Соколов обучал детей чуть более трех месяцев, 10 марта 1736 г. он скончался, и управитель Кутузов просил прислать из Екатеринбурга другого учителя, который мог бы «во время церковного пения за дьячка управлять». Временно к обучению детей был назначен горный работник Федор Розмахнин. Уральское начальство распорядилось: «в учителя, выбрав из ссыльных, представить к смотру» [22].

Летом 1736 г., в связи с появлением вакантного места учителя в Екатеринбургской школе из-за побега ссыльного Иевлева и в связи с открытием словесных школ при других заводах, ряд ссыльных обратился в канцелярию с просьбами об определении их на учительскую должность. В августе подал доношение и бывший поп Иван Лукин, присланный в ссылку из Москвы, мотивировавший просьбу тем, что «ныне из нашей братьи определяютца по заводам в словесные школы в учителя, а я... по обыкности прежняго своего поповского чина ко обучению детей словесному чтению и письма и пению охоту имею немалую и оное дело снести могу». Судя по выпискам, Лукин прислан в Екатеринбург в апреле 1736 г., показан Владимирского уезда «вотчины Троице-Сергиева приписного киржацкого монастыря села Ваганова» без указания вины. 6 сентября 1736 г. распорядился Лукин был назначен учителем на Полевской завод с жалованием 18 руб. в год, с него была взята расписка о неимении за собой никакого раскола [26]. Лукин сменил Розмахнина, полгода заменявшего умершего дьячка, и именно он, бывший поп, внес основной вклад в обучение грамоте детей на Полевском заводе.

В 1737 г. в школе у Лукина числилось 53 ученика. В сентябре пришли четверо новеньких: пасынок плотника Тихон Попов 11 лет (в азбуке), сын литейщика Иван Ушаков 12 лет (обучил псалтирь и пишет буквы), дети доменного подмастерья Беляевы, Иван 15 лет (выучил часослов и псалтирь, пишет прописи) и Дмитрий 9 лет (учит псалтирь, пишет буквы). Установлено, что Ушаков и Беляевы были переведены при отцах с Уктусского завода, а Тихонова, сына мастера, прислали с соседнего Северского, о чем Полевская контора известила

уральское начальство доношением. Северский чугуноплавильный завод строился с 1735 до 1739 г. в семи верстах от Полевского, и дети с него, как видим, стали забираться в Полевскую школу. К сожалению, в документах прием детей с Северки особо не оговаривался, они включались в общий список учащихся. Сын горного ученика Ф. Новоселов, напротив, переехал с отцом на Алапаевский завод, а брат пономаря П. Мазеин в 1737 г. показан «в тверждении письма», взятым в Екатеринбург 1 декабря. В июле он сам обратился с доношением в Канцелярию Главного заводов правления о переводе его в арифметическую школу Екатеринбурга с жалованьем, при этом просил выдать его и за время обучения на Полевском заводе, но в жалованье ему отказали как будущему служителю духовного ведомства [20].

Судя по сводной ведомости 1737 г., учитель Лукин постепенно перешел к параллельному обучению детей чтению и письму, новой методике, призванной ускорить обучение грамоте согласно инструкции, разработанной В. Н. Татищевым в ноябре 1736 г. – «Учреждению, коим порядком учителя русских школ имеют поступать» [59, с. 235–243]. В ведомости за 1737 г. 17 учеников показаны в обучении чтению, а 36 параллельно чтению часослова, псалтири учились писать: писали буквы – четверо, прописи – 17, некоторые уже закрепляли навыки письма.

В 1/3 1738 г. в словесной школе числилось 49 учащихся, некоторые уже завершили обучение письму, один из учеников, изучая псалтирь, скончался. Новых приемов ведомостью не зафиксировано [41]. Но судя по ведомости за 2/3 1738 г., в марте 1738 г. состоялось второе коллективное зачисление девяти детей, достигших школьного возраста, 6 и 7 лет, одному было 11, прием которых учитель вовремя почему-то не отразил. Это были дети шмельцеров, плавильных и горных учеников, молотового работника, пильного мастера и плотника. Одновременно пять учеников в июне месяце покинули школу: сын горного ученика Муסיкийский «из прописей» переведен в Екатеринбургскую школу, а четверо – в местную арифметическую. В 3/3 1738 г. в списке словесной школы 53 ученика, из них уже 17 отмечены переведенными к обучению арифметике [42].

В январе 1738 г. в деятельности школ горного ведомства обнаружился большой перерасход сумм, выделяемых на них заводскими штатами, – в 1313 руб. 43 коп. Это произошло в первую очередь из-за больших трат на выписывание учебных пособий из Петербурга для иноязычных школ, открытых в Екатеринбурге в 1735 г., оплату труда их учителей – иностранцев (от 120 до 400 руб. в год), приобретение большого количества учебных пособий для десятка открываемых разом словесных школ, поддержку детей низкооплачиваемых родителей назначением казенного жалованья и так далее. Для сокращения перерасхода уральское начальство приостановило выплату жалованья учителям, кроме иностранцев, до августа месяца, а сиротам и детям «отставных от ремесел» стали давать по пуду ржаной муки в месяц в счет будущего жалованья до конца года. Оплату труда учителей словесных школ с 1738 г. снизили с 18 до 12 руб. в год [47].

В связи с перерасходом штатных сумм на горнозаводские школы, ставшим хроническим, 13 февраля 1739 г. Канцелярия Главного заводов правления предписала Полевской конторе: учеников словесной и арифметической школ «возрастных от 15 лет и выше, в коих к наукам прочности не видно, а жалованье получают, определить в число комплекта при тамошних Полевском и Северском заводах, кто по состоянию к каким ремеслам способен явится». При этом записанных в подушный оклад – зачислять в число рекрут с рекрутским окладом и о них сообщать в земскую контору; распределенным же к ремеслу со сдельной оплатой – давать ее [44]. То есть началась активная политика распределения к делам учеников, получавших жалованье, но не показавших особых успехов в обучении, достигших 15 лет, даже из словесной школы, не до конца усвоивших грамоту.

В 1/3 1739 г. из 51 ученика словесной школы в работу распределили пятерых в возрасте 17–19 лет, двое из них числились «в прописях», трое – «в часослове», научились лишь читать. Одновременно 1 января состоялось третье крупное пополнение школы, приняли к обучению 15 детей заводских работников, от мастеров до плавильных и горных учеников 6–7 лет, лишь одному из них было 13. В мае – июне 1739 г. зачислили еще шесть подростков 11, 12 и 14 лет, детей молотовых мастеров и подмастерьев, уже изучавших часослов, псалтирь, то есть присланных при отцах с других заводов, где они уже обучались в школе, и поселенных на новом Северском, поскольку вскоре после открытия школы Северского завода мы увидим их среди учившихся в ней по месту жительства. В целом, можно говорить о самом большом пополнении Полевской школы в 1739 г. детьми мастеровых людей (21 чел.), в том числе за счет прибывших с отцами на Северский завод, пущенный в строй в январе 1739 г. [48].

Ведомость Полевской словесной школы за 3/3 1741 г. фиксирует в школе наличие 43 детей и новое, четвертое, зачисление 10 детей от 7 до 10 лет, начавших в июне обучение с азбуки. Все они фигурируют в более поздней ведомости Северского завода за 2/3 1742 г., выявленной нами в одном из дел, поэтому можно считать, что они были присланы в Полевскую школу с Северского завода. Ведомость Полевской школы за 2/3 1742 г. учитывает 57 учеников и отражает пятое пополнение Полевской школы, состоявшееся 1 июня 1742 г., в составе 18 человек. При этом, согласно пометам напротив фамилий 14 учащихся, они были отправлены 1 июня 1742 г. в школу Северского завода [50].

Нами выявлена единственная ведомость Северской школы, поданная за 2/3 1742 г. [49]. Изучение фамилий ее учеников в сопоставлении с ведомостями Полевской школы показало, что четыре подростка, сыновья молотовых мастеров Шихалев, Широков, Костромин 16 лет и сын отставного подмастерья Валов 15 лет, начинали учиться в Полевской школе с мая – июня 1739 г., еще 10 человек – с 1 июня 1741 г., а девять были впервые приняты на учебу сразу по месту жительства 14 июня 1742 г. Это позволяет датировать начало деятельности Северской словесной школы 1 июня 1742 г., с этого дня она начала действовать. В качестве учителя ведомость скрепил Федор Розмахнин. Среди 23 учеников Северской школы 12 были детьми молотовых мастеров, пять – молотовых подмастерьев, в том числе одного уже отставного; четыре человека – детьми молотобойцев и плотников, по одному – кузнеца и подъячего завода. Среди начавших обучаться с 1741 г. по месту жительства – дети 6 и 7 лет, восьмилетних – семеро, 9 лет – пятеро, троим 10 лет, одному 11. Поскольку после 1739 г. зачислений с Северки в Полевскую школу не проводилось, часть детей успела подрасти без обучения грамоте.

По нашим подсчетам, основанным на учете фамилий учащихся, впервые упоминаемых в ведомостях, можно утверждать, что в школах Полевского и Северского заводов с 1735 по 1742 г. обучилось грамоте 128 детей и подростков.

А теперь обратимся к школе второй ступени, действовавшей при Полевском заводе, арифметической. Архивные документы, выявленные нами, позволяют уточнить дату ее открытия. Полевская контора 24 октября 1738 г. известила канцелярию, что по объявлению учителя Лукина четверо подростков обучены им словесному, в конторе освидетельствованы и переведены в арифметическую школу. К доношению прилагался рапорт надзирателя работ Филиппа Макашова об учениках, которых он начал обучать арифметике [43]. Благодаря графе «время вступления в науку» мы можем констатировать, что 15-летний сын доменного подмастерья Иван Беляев, переведенный с Уктусского завода, перешел к арифметике раньше других, еще 1 октября 1737 г., проучившись два месяца в Полевской словесной. Еще четверо учеников, покинувших словесную школу 7 июня 1738 г., ровно через месяц, 7 июля, приступили к изучению арифметики: сын горного бергаура Василий Оботин (14 лет), рудоискателя Иван Рыбников (20), доменного работника Данила Бахтерев (13 лет), плавильного ученика Селивестр Голубцов (12). Таким образом, с июля 1738 г. арифметике стали обучаться пятеро учащихся.

В Полевской арифметической специального учителя не было, преподавание арифметики, судя по подписям в ведомостях, совмещал со своей основной должностью надзиратель работ Филипп Макашов, получая жалованье как надзиратель. Никакой надбавки за обучение школьников ему не полагалось, как это имело место и при других заводах.

По требованию заводской конторы уральское начальство в феврале 1739 г. приказало: «Для обучения арифметик письменной, засвидетельствованной, послать в тамошнюю кантору от здешней школы конечно в сем феврале месяце» [45]. Заметим, в школах других периферийных заводов учебники арифметики отсутствовали, Каменской школе предписали использовать собственные записи учителя, выпускника Екатеринбургской арифметической. Полевской все-таки удалось заполучить учебник, хоть и рукописный. Это была знаменитая «Арифметика» Леонтия Магницкого, учителя Московской школы навигаторов, первая ее часть, собственно арифметическая.

Большое пополнение арифметической школы произошло в октябре того же 1738 г., сразу 17 выпускников словесной в возрасте 10–17 лет, дети мастеровых, за исключением сына сторожа конторы Поздеева, дополнили пятерку обучавшихся. Заметим, в первый же год деятельности школы 20-летний Рыбников первым покинул ее, был распределен на Сылвинский завод в угольные ученики [46].

Сохранилось описание помещения школ Полевского завода: «Двор казенной, в котором ныне обучаются школьные ученики словесному и арифметике, в одном основании две светлицы длиною 5 сажень, шириною 2,5 сажени, вышиною до кровли 4 аршина. В них две печи

кирпичные с выводными трубами. При оных светлицах трои двери, при них сени, рубленные из бревен... Оное строение крыты дранью» [52, с. 214]. Из описания видно, что у арифметической и словесной школ помещения были большого размера, просторные – примерно 5,5 на 11 метров, высотой около 2,8 метров.

В связи с предписанием начальства 1739 г. учеников от 15 лет и выше, получавших жалование, «в коих к наукам прочности не видно», определять к делам, начали распределять на заводские места и только что приступивших к изучению арифметики. Активно стали использовать этих учеников и в качестве помощников в письме. В рапорте за 1/3 1739 г. отмечалось, что из 22 учащихся, выучивших «раздробление, сложение, вычитание, умножение и деление», к маю усваивавших «первую статью торгового правила», четверо учеников в январе были взяты «к целовальнику в пищики» и отсутствовали более трех месяцев (Беляев, Оботин, Бахтерев и Поздеев); четверо «возрастных» 17–18 лет были распределены «в заводскую работу». Пополнилась школа лишь одним учеником, Ивановым 15 лет [29].

Во 2/3 1739 г. в арифметике 20 человек, новенький, с 22 июня, Бунков 14 лет, сын якорного ученика, уже в тройном правиле, с 21 сентября – и девятилетний Шелехов, в «начинании третьей статьи». Ясно, что оба прибыли при отцах с другого завода, где уже учились математике. Братья же Беляевы были отправлены на Кушвинский завод в связи с переводом туда отца (завод в 1739 г. стал действующим). Продолжалось использование учеников арифметики у письма: Оботин отправлен в пищики к целовальнику с 20 августа, Иванов 21 июня взят на Северский завод «в наем к целовальнику». В 3/3 1739 г. в арифметической всего 14 человек. Распределены к делам трое учеников 15–16 лет, продвинувшихся в математике до действий с долями: в угольные подмастерья, «к литейному делу», учеником к гитенмейстеру-иностранцу – плавильному мастеру [28].

В 1740 г. арифметическая школа продолжала пополняться за счет перевода в нее обучившихся грамоте (восемь человек 11–16 лет), один ученик переведен в школу другого завода, 12-летний ученик «взят на Северский завод к целовальникам для письма». В третних списках – от 17 до 21 ученика. При этом ведомость за 3/3 1740 г. скрепляет «арифметической школы ученик за учителя Игнатей Усольцов»; другую – некто Степан Великанов и управитель завода Алексей Зубов. За 1/3 1741 г. – Зубов и Владимир Ананьин, за 2/3 – «за учителя Александр Семенов» [30]. То есть с осени 1740 г. Макашов прекратил преподавание арифметики и его заменили ученики арифметической школы, причем присылаемые с переменою из Екатеринбурга.

Поскольку они сами были молоды и не опытны в преподавании, уже 11 февраля 1741 г. глава Полевской заводской конторы поручик А. Зубов донес в Екатеринбург, что от присылавшихся ежемесячно учеников арифметики, «как видно для младости их, здешним школьником надлежащего наставления и радательного обучения нет». Между тем есть при заводе сверхкомплектный обжигальщик Сергей Еремеев, который был у приема и отпуска припасов на реке Чусовой, а когда бывал свободен, «наперед сего обучал помянутых школьников порядочно. Ныне же оной объявил, что он знает науки, а имянно: арифметик, геометрию, тригонометрию даже до плоской навигации и желает здешних школьников обучать и просит, чтоб учредить его учителем». Контора просила о его назначении, а для обучения геометрии – инструментов «пристойное число» [31].

5 марта 1741 г. члены канцелярии потребовали прислать Еремеева для свидетельства в Екатеринбург. 24 числа он был прислан, 11 апреля свидетельствован Кутузовым, который объявил: «он, Еремеев, знает подлинно в существо арифметик и учеников обучать может, а геометрии и тригонометрии по части знает же, для того что за долго прошедшим временем, как от оной [науки] отстал, некоторую часть уже позабыл». 16 мая 1741 г. начальство вынесло решение: назначать Еремеева к обучению «ненадежно», отослать его по-прежнему на завод, а для обучения детей «послать отсюда достойного из школьников» [32].

Поскольку до геометрии ученикам было еще далеко, да к ее обучению на Полевой так и не приступили, возможно, это решение не шло на пользу обучению, к тому же «достойного» из школьников так и не прислали. Рапорт за 3/3 1741 г. подписал 15-летний ученик Полевской школы Иван Медведев, за 1/3 и 2/3 1742 г. – тот же Медведев и Иван Бунков, учившийся с июля 1739 г. Между тем в школе числилось уже 25–27 человек. Сами «учителя», как первые по успехам учащиеся, твердили арифметику и обучали своих однокашников, изучавших отдельные статьи торгового правила, десятичные дроби, твердившие арифметику, как и они. Возраст учеников был самым пестрым – 13 лет (3 чел.), 14 лет (4 чел.), 15 лет – 7 (чел.), ровес-

ники «учителей» – четверо, были и одиночки 17, 18 и 19 лет [33]. В принципе, работу Полевской школы под руководством своих же учеников можно признать успешной, поскольку продвижение подростков в обучении – налицо.

Осенью 1742 г. уральское начальство обсуждало судьбу горнозаводских школ и пришло к выводу: если их число не уменьшить, то перерасход штатных сумм на них не преодолеть. Поэтому 11 сентября 1742 г. начальство решило: 1) сократить сеть школ. Оставить их при Екатеринбургском, Полевском, Алапаевском заводах, при Пермском, Красноярском и Нерчинском горных начальствах; 2) сократить круг учеников, получавших казенное жалование, давать его только сиротам, детям «отставных от ремесел», солдат и разночинцев; 3) впредь «до указа» детей мастеров, подмастерьев и заводских работников в школы не зачислять, кроме тех, чьи отцы сами пожелают обучать на своем пропитании, без получения казенного жалования; 4) составить именные списки об учениках, оставшихся в школах; отпущенных по домам до 15 лет; определенных к делам; 5) в Берг-коллегию послать запрос, оставлять ли далее в школах учеников, обучавшихся без жалования, которые «ныне до понятия наук удержаны». При продолжающих действовать школах должны были обучаться дети с близлежащих заводов. В отношении Полевской школы оговаривалось: обучать детей «при Полевских трех заводах» и с Чусовских пристаней [36]. Имелись в виду завод Северский и «Кунгурский пильный», как он назывался в документах, – лесопольная мельница на реке Кунгурке, левом притоке Чусовой. Курс политики, провозглашенной В. Н. Татищевым в 1734–1735 гг., направленной на обучение грамоте всех детей, проживавших при казенных заводах Урала, был свернут, отныне лишь часть детей должна была забираться в школы по инициативе властей, дети же мастеровых могли приниматься по желанию родителей, но без какой-либо материальной поддержки.

Важную информацию в отношении учащихся Полевского завода и близлежащего Северского, где школа подлежала закрытию, содержит ведомость Полевской словесной школы за 3/3 1742 г. – в ней числилось 66 учеников, в список были включены и дети Северского завода [4]. Согласно ведомости, с Северского завода в Полевскую словесную 18 ноября 1742 г. были переведены дети шести молотовых мастеров и одного подмастерья, всего семь человек. Ясно, что это было сделано по желанию отцов, решивших продолжать обучать детей на Полевском заводе за свой счет. Трое из них учились с мая 1739 г., четверо – с июня 1741 г., то есть начинали в Полевской школе, с июня 1742 г. – учились по месту жительства, в ноябре 1742 г. – снова вернулись на Полевской. Таким образом, ведомость позволяет точно датировать время закрытия Северской школы – 18 ноября 1742 г. Она просуществовала самый короткий срок из всех словесных школ, открытых при заводах Урала в первой половине XVIII в., чуть меньше 6 месяцев (1 июня – 18 ноября 1742 г.).

Важную информацию содержит помета, проставленная напротив 43 фамилий: «по указу ис канцелярии отпущен в дом декабря с 1», то есть из 66 учеников Полевской и бывшей Северской школ 1 декабря 1742 г. было отчислено разом 43 человека, это более 60 % учившихся в них. Причем среди них – 17 человек из 25, лишенных жалования с июня месяца «до указа». Видимо, неслучайно отмена жалования совпадала с открытием Северской школы. В Полевской словесной осталось 23 ученика, она опустела. Это была последняя ведомость, скрепленная рукой учителя Лукина. Завершился первый период деятельности Полевской словесной школы, когда ее состав по воле властей постоянно обновлялся за счет приема новых групп детей, достигавших школьного возраста.

В начале 1744 г. ссыльного Лукина заменил Федор Розмахнин. Мы впервые встречаем упоминание Розмахнина среди учеников Кунгурской арифметической школы – в ведомости за март 1723 г. он числился как сын пономаря 18 лет. В июне 1725 г. в связи с закрытием Кунгурской школы он был переведен с ее учениками в Екатеринбургскую арифметическую. Здесь, видимо, чтобы отстать от учения, в январе 1726 г. растравил ногу сулемой, подговорив к этому товарища, но лекарь выявил притворство, и начальство приговорило: Розмахнина бить кнутом нещадно и отослать в работу на Полевской рудник на 5 лет, давая на пропитание два пуда ржаной муки в месяц и по 1 коп. на день [16]. Будучи горным работником, он временно обучал детей Полевской школы в марте–сентябре 1736 г. после смерти дьячка. В 1742 г. в возрасте 36–37 лет был назначен учителем грамоты на Северский завод, когда там открылась своя школа. Розмахнин заменил Лукина не ранее февраля 1744 г. – доношение в контору о непонятливых учениках подавал еще Лукин. Розмахнин учительствовал на Полевском заводе около 10 лет, до сентября 1754 г., пока не был замещен Дмитрием Лабутиным.

В конце февраля 1743 г. Полевская контора отправила доношение уральскому начальству о результатах разбора учащихся Полевской словесной и арифметической школ. Первым

приводился список 17 учащихся арифметической школы, доучившихся до «высших наук», которых «при Полевских заводах определить некуда». Это были дети 12–16 лет, уже «твердившие» арифметику, обучавшиеся тройному правилу, действиям с дробями. В социальном плане – дети заводских мастеровых, плавильщиков, заводских учеников, двое сирот.

Сообщалось, что четверо учащихся 14–17 лет из окончания арифметики определены «к целовальнику для внесения разного звания припасов в книги при Полевском заводе», один – в рудокопщики. Далее следовал список 23 детей Полевского и Северского заводов, оставленных в словесной школе. Среди них числилось пять сирот, трое детей отставных от дел мастеров и подмастерьев, то есть восемь человек, которых полагалось обучать на жалованье, и еще 15 детей, которых отцы согласились содержать за свой счет (десять мастеров, трех подмастерьев, шмельцера и фарлауфера). Поскольку при доношении имелся список учеников словесной школы, оставленных для продолжения обучения, а список учеников арифметической школы отсутствовал, значит, ее действие на Полевском заводе пресеклось [11].

Прошел год и три с половиной месяца, пока уральское начальство соизволило отреагировать на это доношение Полевской конторы о результатах разбора учащихся. 16 июня 1744 г. оно потребовало прислать неопределенных к делам выпускников арифметической школы «для рассмотрения» в Екатеринбург, а отправленных по домам 41 человека определить к делам по достижении 15 лет. В августе 1744 г. бывшие ученики арифметики были присланы в Екатеринбург. Оказалось, из 17 человек семь уже пристроены Полевской конторой: трое – рудокопщиками при заводе, по одному направлены к гармахерскому делу, к жжению угля, в копиисты на Северский завод и к плавильному делу на Сысертский завод. Десятерых оставшихся должно было распределить уральское начальство, но оно только в марте 1745 г. предписало: сделать это Полевской конторе, а если заводские штаты укомплектованы, часть мест освободить для бывших учеников арифметики, определив им на первых порах жалованье по 12 руб. в год [12].

Полевская словесная школа продолжала действовать. Согласно ведомости за 1/3 1743 г. троица самых «старых» учеников числилась в обучении уже на протяжении пяти лет, с марта 1738, учила псалтирь и писала прописи. Из присланных с Северки семи человек осталось шестеро – сын молотового мастера покинул школу, не освоив до конца часослов. В июне был принят сын отставного горного писаря Алексей Крымов 7 лет с жалованьем, начавший обучение с азбуки.

В 3/3 1743 г. из 23 учеников – 10 были сиротами и детьми отставных от дел, учились с получением жалованья, а 13 человек учились без жалованья, по воле отцов – мастеров и подмастерьев [5]. Заметим, ведомости об учениках арифметической школы отсутствовали, никто из словесной в нее еще не переводился.

В феврале 1744 г., получив ведомость Полевской школы за 3/3 1743 г., уральское начальство констатировало: «некоторые школьники с начала 1739 года поныне учат в часослове первой час..., что весьма удивительно», и это чинится «от слабого смотрения управительского, а учителей... неприлежность и ленивство». Начальство потребовало «наикрепчайше подтвердить, чтоб управители над школами имели крепкое смотрение» под угрозой штрафа, «а учителя и телесного наказания оставлены не будут», и запросило от Полевской конторы ответа, «для чего долговременно школьники мало обучили». Только в июле 1744 г. новый управитель завода поручик Елизар Назарьев отписался: «за тем, что были в болезнях и отлучках и ко обучению непонятны и летами малы», о них в канцелярию было представлено и «были посланы к смотрю для свидетельства», и им велено быть дома «до указного возраста», пока не приспеют быть годными в работу, «а над школьным учителем смотрение имеется» [6].

Определением Канцелярии Главного заводов правления от 23 августа 1745 г. предписывалось: «во всех здешней канцелярии командах вновь собрать детей в школы таких, коим быть должно на жалованье». В сентябре указ об этом был отправлен и на Полевской завод. В нем констатировалось: «из поданных из подчиненных команд репортов усмотрено, что многие дети такие есть, что ко обучению в школе по летам их быть годны, а в школы для обучения еще не взяты», поэтому приказывалось выявить «всех детей от 7 лет», которые должны были учиться в школах с жалованьем по определению 1742 г., составить их опись и годных определить в школу [8].

Но судя по справке, подготовленной по запросу начальства об учителях и учащихся всех заводских школ, в 1745 г. на Полевском заводе в словесной школе числилось всего восемь учеников на жалованье и один без него, в арифметической – четыре без жалованья при отсут-

ствии данных об учителе, то есть обучение арифметике наконец-то возобновилось, но по-прежнему обучал надзиратель [17].

В феврале 1746 г. начальство снова запросило Полевскую контору, почему обучающихся детей так мало, что и учителя приходится содержать «с напрасным убытком». Контора отвечала, что 19 сентября 1745 г. унтершихтмейстеру Стадухину был дан указ о составлении описи малолетним детям при Полевском заводе и Кунгурском пильном, годным в школу по возрасту, но он «за ленивством» ее не сделал. Опись была составлена самим управителем завода, «и годных в школу сорок человек взято» и с прежними в словесной и арифметической школах налицо 54 ученика. В контору Северского завода указ был отправлен в сентябре же, но «в присылке в школу никого не бывало», и ей указано вторично [37]. Это доношение свидетельствует, что установка на обучение в школе Полевского завода детей с Северского и Кунгурского пильного завода сохранялась, но исполнялась слабо. Да и новых зачислений в школу по инициативе местного начальства с 1742 г. не проводилось, оно состоялось лишь по предписанию из Екатеринбурга. Между тем детей школьного возраста подросло немало.

Осенью 1746 г. уральские заводы посетил сам президент Берг-коллегии А. Томилов. В сентябре он повелел «учинить ряд экстрактов» о заводском производстве, в том числе и о школах [38]. По изучении экстрактов и лично ознакомившись с положением дел, Томилов издал от своего имени «сообщение», в котором упомянул: с «Северского завода мастеровья и работные люди просили, что дети их отлучены и [они, родители] принуждены ходить на Полевской завод, и им от такого содержания излишней расход и нужда есть». Но «на всех тех заводах, которые между собою состоят неподалеку, как-то Северской от Полевой, а иныя гораздо ближе есть, школы держать, то не без излишняго ж расхода будет, а и мастеров надобно большии...» [18].

Таким образом, инициатива родителей Северского завода о возобновлении школы по месту жительства детей не нашла поддержку у высокого начальства. Поскольку расстояние между заводами составляло семь верст, дети не могли ежедневно добираться до школы пешком. На Полевском заводе родителям приходилось подыскивать им квартиру, платить за проживание у чужих людей, если не находилось родственников или свойственников, обеспечивать детей едой.

В словесную школу во второй половине 1740-х гг. зачислялись поодиночке дети, родители которых выходили в отставку по старости и болезни. Уральское начальство, вынося определение об этом, обязательно интересовалось имеющимися детьми, и при наличии сына школьного возраста приказывало зачислять его в школу для обучения грамоте. Так, в ноябре 1746 г., отправляя в отставку угольного мастера Черепанова с Сылвинского завода, направляя его на проживание к сыну, мастеру Полевского завода, члены канцелярии предписали: 13-летнего сына отставного оставить при отце до 15 лет, а шестилетнего определить в Полевскую школу. В июле 1748 г. двух сыновей умершего горного ученика Петухова, проживавших при отце в Екатеринбурге, определили учиться в Екатеринбургскую словесную школу, но, как показал в январе 1749 г. надзиратель школ Ф. Санников, один из сыновей «языком весьма гугнив», другой может и не доучиться до «других наук», а в Полевском проживает их мать, и предложил отправить детей на проживание к ней, больного оставить при матери до 15 лет, второго зачислить в словесную школу. Начальство с этим в марте месяце согласилось. В феврале 1749 г. в связи с отставкой шмельцера Платонова начальство предписало сына его 8 лет принять в Полевскую школу [7].

Одновременно с зачислением одиночек для обучения грамоте непонятливые ученики увольнялись из словесной школы. В феврале 1744 г. учитель Лукин подал доношение о четырех учениках – «уже летами пришли взрослые и науке весьма непонятны». Шихтмейстер Прокофий Столов запросил мнение мастеровых людей – плавильного мастера, кузнеца, плотника, молотового мастера, те «сказками показали», что ученики «за малолетством до возрасту ни в какие работы быть негодны». Уральское начальство вызвало их на смотр в Екатеринбург, в доношении об отправке указан возраст школьников – 11, 12, 15 и 16 лет. Убедившись, что в работу они действительно негодны, начальство приказало отдать их отцам, а когда «будут годны», представить к распределению [3].

В феврале 1749 г. учитель Розмахнин объявил конторе о шести непонятливых учениках 14–16 лет; еще о двух, 10 и 11 лет, и завершившем обучение грамоте сыне «отделителя» Никите Щепоткине 12 лет. Только 10 июня, через четыре месяца, Полевская контора решила: шестерых «определить в работу сносную», «малолетов» отдать отцам «с росписками», то есть с обязательством объявить к распределению по достижении возраста, Щепоткина отослать в

Екатеринбургскую арифметическую школу. То есть арифметике на Полевском заводе обучать перестали. Через месяц контора известила уральское начальство, и только 21 июля Щепоткина приказали принять для обучения арифметике [9]. Заметим, с какой задержкой выносились решения местной конторой и об определении к делам непонятливых учеников, и о направлении ученика в Екатеринбург!

В августе 1750 г. уже восемь учеников завершили обучение грамоте, одному показано 11 лет, двум – по 13, четверем – 14, одному – 16. Сына умершего плотинного подмастерья Ерыкалова не включили в этот список, поскольку мать ходатайствовала об определении его при заводе «к ремеслу, куда способен явится». Плотинный подмастерье Чепыштанов обратился с просьбой к уральскому начальству, чтоб сына Федора 16 лет, включенного в список к отправке в Екатеринбургскую арифметическую, определить при Полевском заводе, а «наипаче... ко мне в обучение, дабы он при старости моей мог мое место заступить, также и подушные деньги мог платить сам». Начальство же приказало всех присланных, кроме 11-летнего Кайгородова, определить к ремеслам, ибо «при пересмотре», кроме Кайгородова, все показали возраст старше 15. И у прежде присланных на смотр «рознь в летах видима была», поэтому начальство предупредило, чтобы впредь контора в отношении показаний возраста поступала «осмотрительно, ...под опасением штрафа», а Кайгородова приказано было определить в арифметическую школу, о чем он и сам просил [15].

В 1748 г. уральское начальство приказало «учинить опись» детям мужского пола Полевского, Северского и Кунгурского пильного заводов с показанием, кто из них положен в подушный оклад, кто нет. В июне Полевская контора сообщила, что детей от года до 6 лет переписан 151 человек, от 6 до 10 лет – 58, от 10 до 15 лет – 19 и от 15 до 20 лет – 6. Отдельным списком учтено 85 детей до года, включая только что родившихся. Ясно, что число детей школьного возраста набиралось значительное, но начальство отреагировало лишь на тех, кто подлежал определению в работы: «из объявленных в описи служительских детей 14 и выше лет, коих есть 13 человек, определить к делам и работам, сносным по их могутству, с заплатою каждому по рублю на месяц, пока куда в комплект введен будет, и быть им при работах до зимнего времени, а зимою, когда нужных работ не бывает, уволить их к отцам на свое пропитание, да и прочих, кои... от школы уже уросли, тех, как придут в 15-летний возраст, по тому ж употреблять к делам и работам» [13]. В ходе второй ревизии, проходившей в России в 1744–1747 гг., многие мастеровые люди и их дети мужского пола, ранее не платившие подушного оклада, в него были записаны, в том числе и школьники, что, безусловно, значительно ухудшило их материальное положение. Некоторым ученикам приходилось платить подушные деньги не только за себя, но и за умерших отцов.

Во время проведения второй ревизии члены Канцелярии Главного заводов правления пытались освободить мастеровых от уплаты подати или предлагали платить ее из заводской прибыли. В одном из рапортов в Берг-коллегию они указывали, что одни Пермские казенные заводы дают государству прибыли от 40 до 50 тыс. руб. ежегодно, а работные люди из-за непосильных поборов могут разбежаться с заводов, из-за взимания подушного оклада за детей мастеровые отказываются отдавать их в школы, определяют в заводские работы или используют в своем хозяйстве. Поэтому трудно пополнять школы, готовящие служащих для заводских нужд [60, с. 118].

Но пополнения Полевской словесной школы все-таки проводились. В августе 1749 г. Полевская контора потребовала в связи с этим прислать 33 экземпляра азбук и букварей, 20 часословов, 10 псалтирей, канцелярия же ответила, что книг нет, будут высланы по прибытии из Москвы. В Берг-коллегию уже было заказано по 100 экземпляров азбук, часословов и псалтирей, коллегия распорядилась приобрести их за счет заводов, но цену книг «у учеников вычесть из жалованья их». Азбука стоила 2 коп., часослов – 30 коп., псалтирь – 68 коп. Так, по инициативе Берг-коллегии, прекратилась практика бесплатного пользования книгами в школах горного ведомства, вводилась их продажа учащимся, что, безусловно, явилось еще одной причиной ухудшения материального положения школьников, цена при выдаче книг устанавливалась «с указными процентами» [39].

В сентябре 1754 г. Федор Розмахнин был замещен Дмитрием Лабутиным. В начале 1740-х гг. он числился копиистом в конторе Северского завода, потом был определен канцелярией к лесным делам, но, как жаловалась Полевская контора, «той должности за непонятством ево снести не может... как в сочинении зачетов и при приеме угля, и в протчих делах должно быть проворному и знающему арифметика, дабы казне убытка не принести, <...> мастерам и вошиком не причинилось какой конфузии или фальши». Поэтому предложила «за

долговременную б ево службу и для дому ево, чтоб было без разорения, определить к лехким и нетрудным делам по ево умению». И 31 августа 1754 г. начальство приказало: «определить ево при Полевском заводе в словесную школу на место бывшего до него престарелого и публично наказанного Розмахнина», а тому «быть на своем пропитании». Но и Лабутин проработал учителем недолго: 5 июля 1755 г. в Екатеринбурге слушалось доношение Полевской конторы, «при котором прислан словесной школы учитель Лабутин для определения его к приказным делам» [40]. Видимо, деятельность Полевской словесной школы начала сворачиваться в 1757 г., когда Полевской завод вместе с Северским и Сысертским перешел в частное владение А. Ф. Турчанинова [54, с. 388].

Согласно имеющимся документам, ученики, завершившие обучение грамоте, пересылались в арифметическую школу Екатеринбурга вплоть до 1755 г. Так, в 1752 г. было отправлено с Полевского завода пятеро учащихся 10–12 лет. Четверо из них получали казенное жалованье, при отправке Полевская контора указала суммы взысканной подушной подати с указанием долгов по ней. Размеры подати различались, некоторые платили 71 $\frac{1}{2}$ коп. в год, другие 1 руб. 12 $\frac{1}{2}$ коп., имея жалованье в словесной школе 3 руб. в год, в арифметической – 4 руб. [10].

В Екатеринбургской школе некоторые из выпускников Полевской словесной доходили до изучения геометрии. Так, сын учителя Розмахнина Василий сразу же после отставки отца (произошедшей, согласно справки, 31 августа 1754 г.), в октябре месяце просил определить ему казенное жалованье, но только в феврале 1755 г. оно было назначено с предписанием – платить из него подушные деньги «бездоимочно». У учителя Розмахнина в 1748 г. числилось трое сыновей: 14, 11 лет и восьмилетний Василий, оказавшийся в Екатеринбургской школе, все они были записаны в оклад [14].

Один из выпускников школ Полевского завода прославил свой завод и город – Козьма Дмитриевич Фролов (1726–1800). Он был зачислен в словесную школу в составе первой группы учеников из 53 человек в декабре 1735 г. в возрасте 9 лет как сын фарлауфера, подносчика руды в плавильную печь, вместе со старшим братом, 12-летним Ананием, получал жалованье. Через год, в 3/3 1736 г., твердил букварь. В сводной ведомости за 1737 г. показан учащим псалтирь и начавшим писать буквы, к концу года псалтирь обучил, писал прописи. Согласно данным ведомостей подолгу болел каждую осень. В октябре 1738 г., в составе второй группы из 17 выпускников словесной школы Фролов переведен в Полевскую арифметическую, где начал обучаться в составе 22 человек, вместе со своим братом. Фролов прекратил обучение в школе из-за ее закрытия в конце 1742 г., находясь в твержении арифметики. В феврале 1743 г. значился среди 17 ее учеников, которых определить некуда [25].

В доношении конторы в августе 1744 г. указан распределенным при Полевском заводе в рудокопщики вместе с двумя однокашниками, зачислен на эту должность в апреле 1744 г., в 1751–1753 гг. работал на Гумешевском руднике «при добыче медных руд», в 1758 г. был командирован в Олонецкую губернию для налаживания горных работ, помогал осваивать месторождения золота и свинца. В 1759 г. назначен руководить горными работами на Березовских золотых промыслах, в 1762 – начальником горных работ на рудниках Урала, получил звание оберштейгера [53, с. 153–154]. В конце 1762 г. направлен на Алтай, на серебро- и золотодобывающие заводы, где проявил себя как выдающийся гидротехник, внедрил в жизнь более 30 различных изобретений [57, с. 80–87]. Пример К. Д. Фролова – яркое свидетельство того, что обучение в школе явилось для него важным социальным лифтом, помогавшим достичь определенных высот в продвижении на жизненном пути.

Таким образом, словесная школа при Полевском заводе действовала с 1735 г. до середины 1750-х гг., дату ее закрытия, как и данные о последних годах ее деятельности, предстоит уточнить. Благодаря этой школе молодое поколение, рожденное в 1720–1730-х гг., получило основы грамоты, научилось читать и писать, примерно треть продолжило обучение арифметике, причем не только с Полевского, но и с соседнего Северского завода. Если бы не активные действия В. Н. Татищева по учреждению сети школ при заводах Урала, грамотой овладели бы лишь единицы из них. Благодаря широкой сети школ ученикам, переводящимся с других заводов при отцах на Полевской и Северский заводы, удавалось продолжить обучение, как и отъезжающим при отцах с них. С конца 1742 г. круг детей, принимаемых в школы, был значительно сужен, хотя наборы детей продолжали проводиться, но распространялись лишь на сирот и сыновей вышедших в отставку работников, а дети мастеров, подмастерьев, заводских и горных учеников стали обучаться лишь по воле родителей, за их счет. Был расширен круг детей, вынужденных платить подушные деньги, с 1750 г. стали платными учеб-

ные пособия, что значительно ухудшило материальное положение учащихся и их семей, способствовало сужению круга обучаемых. Но следует признать, что менталитет заводских жителей изменился, многие мастеровые положительно оценивали практику школьного обучения и продолжали обучать своих детей грамоте, арифметике за свой счет, оплачивая их содержание в школах и не по месту жительства. Переход казенных заводов Урала в частные руки, в том числе и Полевского, привел к завершению деятельности школ при этих предприятиях. В «Описании заводов Уральского хребта, составленном пермским берг-инспектором П. Е. Томиловым» в 1807 г., в отношении Полевского завода сообщалось: «Богадельни и училища еще не заведено» [51, с. 205].

Список литературы

1. Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. : материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга–Свердловска. Свердловск, 1950. С. 45–98.
2. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 69 об.
3. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1035. Л. 14–15 об.
4. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1039. Л. 140–146 об.
5. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1039. Л. 148–156.
6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1039. Л. 156 об. – 157.
7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 387; Д. 1248. Л. 22, 39–39 об.
8. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 62; Д. 2321. Л. 145 об.
9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1248. Л. 118–119.
10. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1377. С. 251–253.
11. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 132–136.
12. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 136 об., 138 об. – 142.
13. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 311–312.
14. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 312, 553–556.
15. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 431–433.
16. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 115 об.; Д. 4. Л. 140; Оп. 12. Д. 194. Л. 6 об.
17. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 50. Л. 329 об.
18. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 50. Л. 503 об.
19. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577а. Л. 55–55 об.
20. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 602. С. 117–130; Д. 692. С. 527; Д. 694. С. 192; Оп. 12. Д. 246. С. 182.
21. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 140.
22. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 297–297 об.
23. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 49.
24. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 50–52 об.
25. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 51; Д. 694. Л. 73 об.; Д. 602. Л. 123 об.; Д. 756. Л. 168; Д. 2321. Л. 133.
26. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 513, 515 об., 516.
27. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 694. С. 68–78.
28. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 816. Л. 118–119; Д. 857. Л. 94–95.
29. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 816. Л. 29–30.
30. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 857. Л. 101–102, 115–116.
31. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 907. С. 194.
32. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 907. С. 195–198.
33. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 957. Л. 54–56 об., 184–186.
34. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 216. Л. 17–18.
35. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 217. Л. 62–65.
36. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 308. С. 84–91.
37. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 349. Л. 121.
38. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 356. Л. 147–148.
39. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 392. С. 282–283; Д. 53. Л. 357.
40. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 451. С. 269–271; Д. 461. С. 32.
41. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 737. Л. 69–81.
42. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 756. С. 132–144, 147–160.
43. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 756. С. 161.
44. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 756. С. 164.
45. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 756. С. 164.
46. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 756. С. 166–168.
47. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. Л. 20–28 об.
48. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 816. Л. 31–37; Д. 857. Л. 96–100 об.
49. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 957. Л. 187–188 об.
50. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 957. Л. 57–61 об., 178–183, 187–188 об.

51. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв. : сборник докум. материалов. Свердловск : [б. и.], 1956. 299 с.
52. Козлов А. Г. К биографии выдающегося гидротехника К. Д. Фролова // Исторический архив. 1956. № 2. С. 214–216.
53. Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале XVII – начала XX века. Свердловск : Средне-Урал. книжное изд-во, 1981. 224 с.
54. Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. : энциклопедия. Екатеринбург : Академкнига, 2001. 536 с. С. 388.
55. Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия: К истории профессионального образования в России. М. : Гудок, 1944. 120 с.
56. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 27.
57. Савельев Н. Я. Козьма Дмитриевич Фролов. Жизнь и деятельность замечательного русского изобретателя. Свердловск : Свердловгиз, 1950. 94 с.
58. Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. 334 с. (Год открытия школы при Северском заводе в статье скорректирован: не 1741, а 1742.)
59. Татищев В. Н. Записки. Письма 1717–1750 гг. М., 1990. 440 с.
60. Черкасова А. С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985. 247 с.

The first schools of the Polevsky Plant: verbal and arithmetic (1735–1750-ies.)

A. M. Safronova

Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin. Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0002-4692-3025. E-mail: alevtina.safronova@gmail.com

Abstract. The problem of reconstruction of the organization and activities of schools opened on the initiative of V. N. Tatishchev at the state-owned factories of the Urals in the 1730s, the period of his second leadership of the factories of the Urals and Siberia, is relevant, since they have become the largest type of primary educational institutions in Russia with a democratic composition of students along with garrison schools of the military department. But we still don't know much about the schools that operated at specific factories. The purpose of the study is to reveal the contribution of the Polevsky Factory schools to the dissemination of literacy among the children of factory residents and teaching them the basics of mathematics based on the identification of a set of archival documents about their activities, comparative and textual analysis of statements about the success of their students, finding out their quantitative, age, social composition, features of the formation of teachers. The article traces the change in the policy of the Ural authorities regarding the enrollment of children in schools: from compulsory admission of all children of factory residents since 1735, with the exception of the sick, thanks to which children's literacy has become unprecedentedly high, to admission from the end of 1742 due to the lack of regular amounts allocated to schools, only orphans and sons of persons, retired from business, with a government salary, and the children of artisans – only at the request of their parents. The results of the study with the application of the text of the most interesting documents are supposed to be transferred for use to the museum of the city of Polevsky, publication on the Internet and inclusion in the monograph on mining schools of the Urals in the first half of the XVIII century.

Keywords: V. N. Tatishchev, Ural, mining schools, Polevskoy plant, teachers, students, distribution to cases.

References

1. Budrin V. N. *Gornozavodskie shkoly Urala v XVIII i v nachale XIX v. : materialy vtoroj nauch. konf. po istorii Ekaterinburga–Sverdlovsk* [Mining schools of the Urals in the XVIII and early XIX centuries : materials of the second scientific conference on the history of Yekaterinburg–Sverdlovsk]. Sverdlovsk. 1950. Pp. 45–98.
2. SASR (State Archive of the Sverdlovsk region). F. 24. Inv. 12. File 215. l. 69 turn.
3. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1035. Sh. 14–15 turn.
4. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1039. Sh. 140–146 turn.
5. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1039. Sh. 148–156.
6. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1039. Sh. 156 turn – 157.
7. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1128. Sh. 387; D. 1248. Sh. 22, 39–39 turn.
8. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1128. Sh. 62; D. 2321. Sh. 145 turn.
9. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1248. Sh. 118–119.
10. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1377. Pp. 251–253.

11. SASR. F. 24. Inv. 1. File 2321. Sh. 132–136.
12. SASR. F. 24. Inv. 1. File 2321. Sh. 136 turn., 138 turn – 142.
13. SASR. F. 24. Inv. 1. File 2321. Sh. 311–312.
14. SASR. F. 24. Inv. 1. File 2321. Sh. 312, 553–556.
15. SASR. F. 24. Inv. 1. File 2321. Sh. 431–433.
16. SASR. F. 24. Inv. 1. File 26. Sh. 115 turn.; File 4. Sh. 140; Inv. 12. File 194. Sh. 6 turn.
17. SASR. F. 24. Inv. 1. File 50. Sh. 329 turn.
18. SASR. F. 24. Inv. 1. File 50. Sh. 503 turn.
19. SASR. F. 24. Inv. 1. File 577a. Sh. 55–55 turn.
20. SASR. F. 24. Inv. 1. File 602. Pp. 117–130; File 692. P. 527; File 694. P. 192; Inv. 12. File 246. P. 182.
21. SASR. F. 24. Inv. 1. File 624. Sh. 140.
22. SASR. F. 24. Inv. 1. File 624. Sh. 297–297 turn.
23. SASR. F. 24. Inv. 1. File 624. Sh. 49.
24. SASR. F. 24. Inv. 1. File 624. Sh. 50–52 turn.
25. SASR. F. 24. Inv. 1. File 624. Sh. 51; File 694. Sh. 73 turn.; File 602. Sh. 123 turn.; File 756. Sh. 168; File 2321. Sh. 133.
26. SASR. F. 24. Inv. 1. File 624. Sh. 513, 515 turn., 516.
27. SASR. F. 24. Inv. 1. File 694. Pp. 68–78.
28. SASR. F. 24. Inv. 1. File 816. l. 118–119; File 857. Sh. 94–95.
29. SASR. F. 24. Inv. 1. File 816. Sh. 29–30.
30. SASR. F. 24. Inv. 1. File 857. Sh. 101–102, 115–116.
31. SASR. F. 24. Inv. 1. File 907. S. 194.
32. SASR. F. 24. Inv. 1. File 907. S. 195–198.
33. SASR. F. 24. Inv. 1. File 957. Sh. 54–56 turn., 184–186.
34. SASR. F. 24. Inv. 12. File 216. Sh. 17–18.
35. SASR. F. 24. Inv. 12. File 217. Sh. 62–65.
36. SASR. F. 24. Inv. 12. File 308. Pp. 84–91.
37. SASR. F. 24. Inv. 12. File 349. Sh. 121.
38. SASR. F. 24. Inv. 12. File 356. Sh. 147–148.
39. SASR. F. 24. Inv. 12. File 392. Pp. 282–283; D. 53. Sh. 357.
40. SASR. F. 24. Inv. 12. File 451. Pp. 269–271; File 461. Pp. 32.
41. SASR. F. 24. Inv. 1. File 737. Sh. 69–81.
42. SASR. F. 24. Inv. 1. File 756. Pp. 132–144, 147–160.
43. SASR. F. 24. Inv. 1. File 756. P. 161.
44. SASR. F. 24. Inv. 1. File 756. P. 164.
45. SASR. F. 24. Inv. 1. File 756. P. 164.
46. SASR. F. 24. Inv. 1. File 756. P. 166–168.
47. SASR. F. 24. Inv. 1. File 760. l. 20–28 turn.
48. SASR. F. 24. Inv. 1. File 816. l. 31–37; d. 857. Sh. 96–100 turn.
49. SASR. F. 24. Inv. 1. File 957. Sh. 187–188 turn.
50. SASR. F. 24. Inv. 1. File 957. Sh. 57–61 turn., 178–183, 187–188 turn.
51. *Gornozavodskaya promyshlennost' Urala na rubezhe XVIII–XIX vv. : sbornik dokum. materialov* – Mining industry of the Urals at the turn of the XVIII–XIX centuries : collection of documents. materials. Sverdlovsk. [without ill.], 1956. 299 p.
52. Kozlov A. G. *K biografii vydayushchegosya gidrotekhnika K. D. Frolova* [On the biography of the outstanding hydraulic engineer K. D. Frolov] // *Istoricheskij arhiv* – Historical Archive. 1956. No. 2. Pp. 214–216.
53. Kozlov A. G. *K biografii vydayushchegosya gidrotekhnika K. D. Frolova* [Creators of science and technology in the Urals of the XVII – early XX century]. Sverdlovsk. Sredne-Ural book publishing house. 1981. 224 p.
54. *Metallurgicheskie zavody Urala XVII–XX vv. : enciklopediya* – Metallurgical plants of the Urals of the XVII–XX centuries : encyclopedia. Yekaterinburg. Akademkniga. 2001. 536 p. P. 388.
55. Nechaev N. V. *Shkoly pri gornyh zavodah Urala v pervoj polovine 18-go stoletiya: K istorii professional'nogo obrazovaniya v Rossii* [Schools at mining plants of the Urals in the first half of the 18th century: On the history of vocational education in Russia]. M. Gudok. 1944. 120 p.
56. RSAAA (Russian State Archive of Ancient Acts). F. 248. Inv. 17. D. 1133. Sh. 27.
57. Savel'ev N. Ya. *Koz'ma Dmitrievich Frolov. Zhizn' i deyatelnost' zamechatel'nogo russkogo izobretatelya* [Kozma Dmitrievich Frolov. The life and work of a remarkable Russian inventor]. Sverdlovsk. Sverdlgiz. 1950. 94 p.
58. Safronova A. M. *Dokumenty organov upravleniya promyshlennost'yu Rossii kak istochnik o gornozavodskih shkolah Urala pervoj poloviny XVIII v.* [Documents of the Russian industry management bodies as a source about mining schools in the Urals of the first half of the XVIII century]. Yekaterinburg. Ural University. 2014. 334 p. (The year of the opening of the school at the Seversky Factory was corrected in the article: not 1741, but 1742.)
59. *Tatishchev V. N. Zapiski. Pis'ma 1717–1750 gg.* [Notes. Letters of 1717–1750]. M. 1990. 440 p.
60. Cherkasova A. S. *Masterovye i rabotnye lyudi Urala v XVIII v.* [Artisans and working people of the Urals in the XVIII century]. M. 1985. 247 p.